

*«Как помню, первой к краю бездны подступила она,
под отзвуки дешевого фильма».*

— Future of the Left,
«Ирландия глазами идиота»

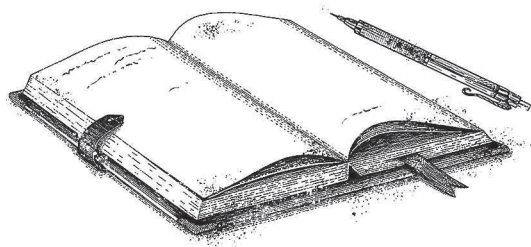
*«Как же приятно быть в этой большой комнате
и ползать по ней, как мне заблагорассудится!»*

— Шарлотта Перкинс Гилман,
«Желтые обои»

*«Поделиться с тобой секретом? Обещаешь никому
не говорить? Тайну неявную я тебе открою: мы с тобой
здесь совсем не одни».*

— Bad Religion,
«Голова, полная призраков»

ЧАСТЬ 1

ГЛАВА 1

— Мередит, тебе наверно сейчас тяжело?

Рэйчел Невилл, писательница — автор бестселлеров, одета в идеальный наряд для осени: синяя шляпа в тон подобранной со знанием дела юбке по колению и бежевый шерстяной жакет с пуговицами величиной с голову котенка. Она всеми силами пытается не оступиться на неровной дорожке. Каменная тротуарная плитка с выступающими из-под земли краями местами перекосилась и качается под ногами Рэйчел, как готовые выпасть молочные зубы. В детстве я обвязывала шатающийся зуб красной зубной нитью. Нить оставалась там много дней, пока зуб не был готов покинуть мой рот добровольно. Марджори гонялась за мной по всему дому, пытаясь ухватиться за вощеную нитку и заявляя, что я сама ее провоцирую. В ответ я визжала и плакала. Меня эти игры не только веселили, но и пугали. Я опасалась, что если я позволю ей

вытащить хотя бы один зуб, то она не удержится от удовольствия вырвать и все остальные.

Неужели так много воды утекло с того времени, когда мы жили здесь? Мне всего двадцать три года, но на вопрос о моем возрасте я отвечаю, что мне без двух лет уже четверть века. Мне нравится наблюдать, как люди начинают мучаться с расчетами.

Сойдя с плитки, я шагаю к дому по запущенному газону с его диким разнотравьем, весной и летом разрастающимся буйным цветом. Теперь же растения смирились с приближением очередной прохладной осени. Кончики листьев и сорняков щекочут щиколотки и цепляются за кроссовки. Если бы Марджори была здесь сейчас, она наверняка рассказала бы мне о копошащихся под подгнившей растительностью червяках, паучках и мышах, которые готовятся напасть на девушку, сдуру покинувшую безопасную дорожку.

Первой в дом заходит Рэйчел. У нее, в отличие от меня, есть ключ. Я немного отстаю, соскабливаю с входной двери полосочку белой краски и кладу ее в карман джинсов. Почему бы мне не взять что-нибудь на память? Судя по ободранной двери и крыльцу, усыпанному белой пылью наподобие перхоти, таким сувениром порадовала себя далеко не я одна.

Я не осознавала, насколько сильно скучала по этому месту. Никак не могу отделаться от мысли

о том, каким серым выглядит дом. Неужели он всегда был таким серым?

Я осторожно проскальзываю внутрь, чтобы не задеть готовую в любой момент заскрипеть входную дверь. Стоя на потертом паркете холла, я закрываю глаза, чтобы лучше запомнить первые мгновения моего возвращения домой после долгого отсутствия. Потолки здесь такие высокие, что мне никогда ни до чего не удавалось дотянуться. Чугунные радиаторы, попрятавшиеся по углам комнат, выжидают момента, когда смогут снова гневно выпустить пар. Прямо передо мной — столовая, рядом — кухня, где нам строго-настрого запрещено слоняться, и коридор, ведущий к задней двери; справа от меня — гостиная и другие коридоры, простирающиеся в разные стороны, как спицы на колесе; подо мной — подвал с фундаментом из известки и камня и с холодным земляным полом, который я даже сейчас ощущаю между пальцами ног. Слева от меня открывается проем с лестницей; белые балясины и перила чередуются с черными ступеньками и пролетами, как клавиши на рояле. Лестница вздымается тремя пролетами через две площадки на второй этаж. Поднимаешься по ней так: шесть ступенек наверх, площадка, поворот направо, на этот раз до следующей площадки всего пять ступенек, еще один поворот направо и шесть ступенек наверх до коридора на втором этаже. Меня всегда забавляло, что

к моменту подъема на второй этаж человек совершал почти полный оборот вокруг собственной оси. При этом я неустанно жаловалась, что на среднем пролете не хватало шестой ступеньки.

Я открываю глаза. Все выглядит ветхим и заброшенным, но в некотором смысле — абсолютно таким же, как прежде. Пыль, паутина, полопавшаяся штукатурка и облупленные обои кажутся почему-то поддельными. Фальшивые признаки течения времени, буфатория для очередного пересказа истории, которая из-за столь частых повторов утратила смысл даже для тех из нас, кто ее пережил.

Рэйчел сидит на дальнем конце длинного дивана в почти пустой гостиной. Чехол от пыли защищает обивку дивана от любого, кто решится плюхнуться на него. А может быть чехол ограждает Рэйчел от контакта с заплесневевшим диваном. У нее на коленях устроилась ее шляпа — хрупкая птичка, изгнанная из гнезда.

Я наконец-то решаю ответить на ее риторический вопрос, пусть момент для ответа уже упущен.

— Да, мне тяжело. Прошу, не называй меня Мерредит. Я предпочитаю, чтобы меня звали Мерри¹.

¹ Игра слов: в английском языке прилагательное merry означает «жизнерадостный», «веселый». — *Здесь и далее прим. переводчика.*

— Прости, Мерри. Может быть возвращение сюда было плохой затеей, — Рэйчел встает. Шляпа медленно опускается на пол, а Рэйчел убирает руки в карманы жакета. Мне в голову приходит мысль: не прячутся ли и у нее в карманах кусочки отвалившейся краски, обрывки обоев или другие осколки прошлого этого места? — Мы можем провести интервью в любом другом месте, где тебе будет комфортнее.

— Да нет. Все нормально. Я сама пошла на это. Просто...

— Нервы. Понимаю тебя.

— Нет. — Я произношу это слово нараспев, как моя мама. — Как раз напротив, ничего общего с нервозностью. Я поражена тем, насколько комфортно я себя ощущаю. Как ни странно это прозвучит, неожиданно приятно снова оказаться дома. Не знаю, есть ли в этом хоть какая-то логика. Да и я обычно так себя не веду. Может быть я и в самом деле нервничаю. В общем, садись, пожалуйста. Я к тебе присоединюсь.

Рэйчел садится обратно на диван и произносит:

— Мерри, я понимаю, что ты не очень хорошо меня знаешь. Обещаю, мне можно доверять. К твоей истории я отнесусь с тем уважением и пониманием, которых она заслуживает.

— Спасибо, верю тебе. Правда, — говорю я и сажусь на другой конец дивана, мягкого, как шляпка гриба. Я благодарна, что между диваном и мной есть